

СИМОН ЛЬВОВИЧ

СОЛОВЕЙЧИК

Автор
предисловия
Андрей
Максимов

Педагогика
ДЛЯ ВСЕХ

СИМОН СОЛОВЕЙЧИК
Педагогика для всех

«Издательство АСТ»

УДК 159.9
ББК 88.37

Соловейчик С. Л.

Педагогика для всех / С. Л. Соловейчик — «Издательство АСТ»,
ISBN 978-5-17-099375-8

«Педагогика для всех» впервые вышла в середине 80-х годов и сразу стала сенсацией. Автор книги – Симон Соловейчик, знаменитый педагог, писатель, журналист, автор бестселлеров для детей и родителей «Учение с увлечением», «Непрописные истины воспитания», «Час ученичества» – выпустил книгу, отвечающую на вопрос, откуда берутся хорошие дети. Отчего в одинаковых условиях в одних семьях вырастают хорошие дети, а в других плохие? Почему для воспитания детей одной нашей любви недостаточно? «Педагогика для всех» не предписывает, как жить и каким быть: она исследует, при каких обстоятельствах с детьми все будет хорошо, а при каких непременно будут трудности.

УДК 159.9
ББК 88.37

ISBN 978-5-17-099375-8

© Соловейчик С. Л.
© Издательство АСТ

Содержание

Андрей Максимов	6
Книга первая	12
Глава 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Симон Соловейчик

Педагогика для всех

© Соловейчик С., текст
© Максимов А., предисловие
© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Андрей Максимов

Дон Кихот российской педагогики

НАЧНУ С ТОГО, с чего ну, никак не принято начинать предисловия, а именно с благодарности.

Несколько лет я предлагал разным издательствам выпустить выдающуюся книгу Симона Львовича Соловейчика «Педагогика для всех».

Никто не возражал. Все даже радовались: «Соловейчик? Педагогика? Воспитание? Интересно...»

И... ничего не происходило.

А в «Издательстве АСТ» произошло. Вы держите в руках книгу Симона Львовича Соловейчика «Педагогика для всех».

Повторю для тех, кто пропустил: это выдающаяся книга. Ее просто обязан прочесть любой человек, вне зависимости от того, является он профессиональным педагогом или нет, и даже вне зависимости от того, взрослые у него дети, маленькие, или их нет вовсе.

Соловейчик заметил, что воспитание детей – самое древнее из человеческих дел. А ведь, действительно... Как только начали рождаться первые дети – первые взрослые начали их воспитывать. Мало того... Что такое изгнание Адама и Евы из рая, как не воспитательный акт Отца в отношении своих детей?

Поэтому неудивительно, что с тех пор, как люди научились писать – они начали сочинять педагогические трактаты. Чем с удовольствием и продолжают заниматься.

В любом книжном магазине – огромное количество книг по воспитанию. И современных авторов. И совсем не современных.

Что же отличает хорошие педагогические книги от иных?

Во-первых, хорошая книга, посвященная проблемам воспитания, должна помогать тем, кто занимается с детьми. Это должна быть практическая книга.

Я уже многократно говорил и писал о том, что в нашей стране не просто плохая система образования, а можно легко сказать, что системы такой нет вовсе. За образование своих детей, за то, чтобы они выросли достойными и счастливыми гражданами, в решающей степени отвечают родители.

Мы, родители, поставлены в такие условия, что просто обязаны быть педагогами. У нас просто нет иного выхода. И в этом сложном деле книга Соловейчика, безусловно, незаменима.

Уверяю Вас: ощущение, что Вы читаете книгу, быстро исчезнет. Ему на смену придет абсолютно реальная иллюзия того, что с Вами беседует очень умный, знающий человек, который, кажется, готов дать Вам совет в любой трудной ситуации. Замечу, что, если относиться к общению со своим ребенком, как к важнейшему делу жизни, – такие ситуации возникают ежедневно.

Но для того, чтобы педагогическая книга была выдающейся, ей мало быть только практической. Она еще обязательно должна быть и философской.

Само слово «философия» нас пугает. Нам представляется, что оно относится к древним бородатым людям, а к нам лично вообще никакого отношения не имеет. Это ошибка.

Однажды я понял, что все люди являются психологическими консультантами: все мы даем друг другу советы, опираясь, как правило, на собственный опыт и больше ни на что. И я начал работать над созданием психологической системы, которая будет обращена не к специалистам, а ко всем людям, поможет им помогать друг другу в житейских психологических ситуациях.

Как назвать эту систему? Много было вариантов, в конце концов, я остановился на слове «психофилософия». Почему? Потому что у каждого из нас есть своя психика, но есть и своя философия, даже если мы не отдаем себе в этом отчета. Ведь любой человек определенным, ему свойственным образом, относится к жизни и к смерти, к любви, к деньгам, и, конечно, к детям.

Понимаете? Философия не прерогатива ученых, а свойство каждого человека. У Вас, того, кто держит в руках эту книгу, есть своя философия жизни.

Вот такая, очень практическая и очень важная философия открывается и в книге Соловейчика. Это не заумь, а основа наших отношений с ребенком, их суть.

Чтобы не быть голословным, приведу всего одну цитату, дабы был понятен, с одной стороны, уровень мышления этого удивительного педагога и писателя, а с другой – абсолютная простота и ясность изложения.

Наугад открываю книгу, читаю: «Сын не судья своему отцу, но совесть отца – в его детях. Они каким-то образом связаны с нами, и если мы поступаем дурно, то это сказывается на них. Может быть, чувство вины остается в наших глазах, и дети его улавливают?»

Разве за этими, абсолютно ясными словами, не скрыта философия наших отношений с детьми?

Три главы книги: «Цели воспитания», «Условия воспитания», «Средства воспитания».

Три абсолютно практических беседы, выводы которых просто-таки необходимы всем родителям.

Три очень ясно написанных философских трактата, позволяющих иначе взглянуть на суть воспитания, на наши взаимоотношения с детьми, переворачивающих и голову, и душу.

Кто же такой, этот Симон Львович Соловейчик – выдающийся педагог, писатель и мыслитель?

В своем архиве я обнаружил старую театральную программку. Спектакль назывался «Изгнание Палагиных». Автор Симон Соловейчик. Постановка – народного драматического театра Дворца культуры Московского автозавода имени Лихачева. В выходных данных отыскал год – 1982.

За давностью лет спектакль я помню плохо. Но в те годы я активно занимался театральной критикой, и поэтому писал на программках какие-то, как мне казалось важные, цитаты и мысли.

О чем же, с помощью Соловейчика, я кричу сам себе через тридцать с лишним лет?

Главная тема спектакля: «Никому ничего не надо. Никто никому не нужен». Вот о чем не говорил – кричал Соловейчик в самый, замечу, разгар застоя.

Цитата: «Все пустяки по сравнению с тем, что с людьми происходит».

Еще цитата: «Быть добрым – значит, быть необыкновенным».

И еще: «Количество на заводе. В школе – качество».

И писателем, и педагогом, и публицистом он был неуспокоенным. Видел все, что творилось тогда вокруг, многое понимал. Ему самому не очень-то уютно было жить в мире, в котором добро есть качество необыкновенное.

И очень хотел достучаться, докричаться не до мира вообще, а конкретно до детей и родителей. Чтобы они берегли друг друга. Чтобы хотя бы в семье добро стало нормой.

Симон Соловейчик родился в 1930 году в семье, которая в ту пору называлась «семья служащих», но, на самом деле, была семьей интеллигентов. Его отец – журналист, писатель. Мама – доктор, во время войны была главным врачом санитарного поезда, после Победы руководила одной из московских аптек.

Подростком два года Соловейчик провел в эвакуации на Урале. Вернулся в Москву. Поступил на филфак МГУ, по окончании которого преподавал русский язык и литературу в библиотечном техникуме. Тогда же приступил к написанию статей.

Первый журнал, в котором начал свою журналистскую деятельность Симон Соловейчик, назывался удивительно, почти по-зощенковски, «Строитель стадиона». Но уже в 28 лет Соловейчик стал корреспондентом очень популярного в ту пору детского журнала «Пионер».

Перестав преподавать в школе, Соловейчик, по сути, остался поразительным педагогом. Для своих читателей в первую очередь. Но и для тех молодых ребят, которые приходили к нему в «Комсомолку». Этот вывод я, что называется, проверил на себе: Симон Львович был и навсегда останется моим учителем.

Больше двадцати лет – с 1956 по 1977 год – Соловейчик работал в «Комсомолке».

Потом – уже в 80-е годы – была «Учительская газета», где вместе с главным редактором Владимиром Матвеевым он пытался по-человечески, не формально, говорить с учителями, рассказывал о педагогах-новаторах, собирал их в Москве, итогом этих встреч стал «Манифест педагогики сотрудничества».

Соловейчик вообще очень любил это слово – сотрудничество. Он считал – и этому посвящено немало в книге, которую Вы держите в руках, – что учитель и ученик, родители и дети должны вот именно – сотрудничать.

Всматривайтесь в детей – поймете себя, – утверждал Соловейчик. Это важнейший не только философский, но, на самом деле, очень практический вывод. Он имеет к Вам, читателю этой книги, самое непосредственное отношение, не так ли?

Матвеевская команда в «Учительской газете» была разгромлена. Матвеева понизили до заместителя главного редактора, и, через год после этого Владимир Федорович умер.

Соловейчик продолжал трудиться: вел педагогические колонки в журнале «Новое время». Много ездил, в том числе и за рубеж, искал новый педагогический опыт и рассказывал о нем.

Уже в новые времена, в 1992 году, основал газету и издательский дом «Первое сентября», которые стали его последним детищем.

Я пришел в газету «Комсомольская правда» в 1974 году, когда мне еще не исполнилось 15 лет.

Как я туда попал? Мне повезло: вступительное сочинение, которое я писал, надеясь поступить в Школу юного журналиста при журфаке МГУ, было признано хорошим и опубликовано в подростковой страничке «Алый парус» при «Комсомолке». Меня позвал в газету знаменитый журналист, а впоследствии и политик, удивительно чистый и искренний человек Юра Щекочихин.

Придя туда, я еще не знал, что «Алый парус» придумал и организовал именно Соловейчик, вместе с тогдашним заведующим отделом школьной молодежи Иваном Ивановичем Зюзюкиным.

Первый выпуск «Алого паруса» вышел 25 сентября 1963 года. На дворе стояла знаменитая «оттепель», хотя «заморозки» уже случались все чаще. Ни в те времена, ни через десять лет, когда в «Комсомолку» пришел я, ни сегодня к подросткам мало кто относится всерьез. В лучшем случае, их «награждали» (и «награждают») довольно унижительным определением «трудные» и – давай с ними и педагогически работать!

Когда Соловейчик и Зюзюкин поняли, что подростки – это люди, которые имеют право на высказывание в самой популярной в ту пору газете страны, – по сути они совершили революцию!

Термина такого педагогика сотрудничества в начале шестидесятых еще не было, но, по сути, она уже начала действовать.

Для меня, мальчишки, Симон Львович Соловейчик был живой классик, и я очень хорошо помню то потрясение, какое я испытывал, когда Соловейчик (!!!) с нами – пацанами говорил заинтересованно (!!!).

Он никогда не спрашивал: «Как дела в школе?» – вопрос, от которого любой подросток готов взвыть. Он спрашивал о том, что тебя волнует и что тебе интересно. Ему – Соловейчику – было важно, чем живут школьники. Его не интересовали формальности, его волновала суть.

Когда Вы будете читать «Педагогика для всех», обратите внимание на то, что в этой довольно увесистой книге, нет ни одного формального, обязательного слова. Все – только по сути.

Соловейчик не пишет проповедь. Он высказывается. И уже дело читателя принимать это высказывание, соглашаться с ним или спорить. Но равнодушным читатель не останется никогда.

Эту манеру разговора я очень хорошо помню по тому, как он говорил с нами, мальчишками.

Тогда же, в середине 70-х, Соловейчик, вместе с журналистами «Комсомолки» Ольгой Мариничевой и Валерием Хилтуненом решили создать из нас неформальное объединение «Коммунарская бригада», сокращено – Комбриг.

Постепенно мы узнавали, что Комбриг – это, своего рода, отзвуки знаменитой Фрунзенской коммуны, которую открыл для читателей именно Соловейчик.

Боюсь, что большинству современных читателей словосочетание «Фрунзенская коммуна» не говорит ни о чем. Между тем, это было объединение, которое в самый разгар Советской власти работало с подростками по совершенно иным, вовсе не советским принципам.

Фрунзенская коммуна возникла во Фрунзенском Доме пионеров и школьников в Ленинграде (отсюда и название). У ее истоков стояли педагоги Игорь Петрович Иванов и Фаина Яковлевна Шапиро.

Уверен, что деятельность коммуны, ее принципы имели для Соловейчика огромное, если не сказать решающее значение, не случайно же он так много писал о ней.

Симон Львович составил и подготовил к печати книгу «Фрунзенская коммуна», которая вышла в издательстве «Детская литература» в 1969 году. Книга имела такой успех, что через три года она была переиздана. Вот бы ее переиздать сейчас! Правда, в этом случае пришлось бы снабжать ее многочисленными комментариями: ведь многое даже просто из лексики того времени современному читателю уже не понятно. Однако, сама история и, главное, идеи Фрунзенской коммуны, убежден, будут не только интересны, но и весьма полезны сегодня.

Что ж это были за идеи? Почему они до такой степени увлекли Соловейчика, что благодаря его усилиям о Фрунзенской коммуне узнала вся страна? В той книге, которую Вы сейчас держите в руках, эти идеи, кстати, тоже свое отражение нашли.

Откроем старую книгу. «...Что может предложить коммуна? Во-первых, необычных взрослых. Взрослых, которые во всем советуются с ребятами, всегда веселые, жизнерадостные, всегда шутят...

Во-вторых, радость сделанного дела. С первого же сбора один отряд пошел на завод с концертом, второй – в детский сад чинить игрушки, третий – в библиотеку, разбирать и приводить в порядок книги.

В-третьих, коммуна может предложить такую организацию, чтобы каждый коммунар действительно чувствовал себя ответственным за всю коммуну. Полное самоуправление...»

С одной стороны, в этих идеях, казалось бы, не было ничего особенно революционного. Но, с другой, они принципиально расходились с реалиями советской школы. Поэтому, когда коммунарское движение начало развиваться слишком активно и, по сути, стало альтернативой комсомолу, его не то чтобы убили, а перестали поддерживать.

Но Соловейчик всюду, где мог, говорил об этом. Рассказывал. Объяснял. Увлекал. И когда мы, еще даже не молодые журналисты, а пацаны и девчонки, пытающиеся овладеть профессией, пришли в «Комсомолку», Соловейчик стал идеологом нашего Комбрига.

Мы проводили коммунарские сборы и собственными глазами видели, как работают коммунарские идеи.

Где мы только эти сборы ни проводили! В Москве, в Челябинске – в знаменитой школе Владимира Абрамовича Каракоровского. Ездили даже в школу для трудновоспитуемых девочек-подростков в Ярославской, по-моему, области: пытались с помощью коммунарских идей воздействовать на юных проституток и убийц.

Сборы длились три дня. И – удивительное дело! – зашоренные советские школьники за три дня преобразались! Они, как принято нынче говорить – *реально* становились другими.

Благодаря чему? В первую очередь, благодаря абсолютно доброжелательной атмосфере сборов. Здесь никто никого не оценивал, и все друг друга слушали. Мнение каждого ребенка учитывалось. Здесь никто не заставлял никого ничего делать.

Вот мы оформляем школу в Челябинске, чтобы она выглядела повеселей. У кого какие идеи? Предлагайте – делайте. Вам нужны помощники? Кто готов помогать?

Одна из главных идей педагогической системы Соловейчика, которая никогда не декларируется, но является основой, фундаментом, сутью – доброжелательность. То есть желание добра всем тем, кто рядом, – будь это твой собственный ребенок, ученик или соратник по коммунарскому сбору.

Я собственными глазами видел, что доброжелательность, оказывается, это серьезная сила. Попав в атмосферу добра, имея при этом конкретные задачи, дети начинали проявлять свои лучшие качества. Выяснялось, что качества эти были у всех, только оставались неостребованными. А тут – пригодились.

Я помню этих трудновоспитуемых девочек, которые за свою коротенькую жизнь пережили такое, что не всякому взрослому присниться. Помню, как удивлялись они изначально доброму отношению к себе. Они к такому не привыкли! Их слушали! Их мнение было важно! С ними вместе хотели работать!

В коммунарской методике, понятно, есть своя система, есть определенная последовательность заданий. Думаю, в нашей ситуации вечной образовательной реформы истории и теории педагогики могли бы рассказать об этом подробней.

Я ни разу не теоретик и не историк. Для меня, как для участника сборов, самым главным было то, что из привычной атмосферы недоброжелательства и ежесекундного воспитания, которой славилась советская школа, я, школьник, попадал в мир, где ко мне все относились хорошо, где меня уважали, где мое мнение было важным.

Я считаю Симона Львовича Соловейчика своим учителем не только потому, что он дал мне очень много практических журналистских советов, которыми я пользуюсь всю свою жизнь. Но эти коммунарские сборы, через которые мне посчастливилось пройти, имели, конечно, решающее значение.

В первую очередь потому, что я очень явственно увидел, что доброжелательность – это сила, которая может переворачивать человеческую жизнь. Добро притягательно.

Согласитесь, одно дело, когда это просто декларируется, и совсем иное – когда ты видишь, как это все работает.

Итак, перед вами главная книга педагога, писателя, философа Симона Львовича Соловейчика.

Можно ли утверждать, что в ней представлена его собственная педагогическая система?

Убежден, что можно. Также уверен в том, что система эта очень поможет, в первую очередь родителям, не только наладить контакт со своим ребенком, но и раскрыть маленького человека.

Для Соловейчика ребенок – это личность.

«Мы воспитываем не ребенка, а человека, – пишет Соловейчик. – Каждому человеку, сколько бы ему ни было, хоть полгода, нужно, чтобы его считали человеком... Считайте чело-

века за человека – больше для воспитания ничего не нужно, здесь – правда, только правда и вся правда».

Когда я стал заниматься своей психофилософской педагогикой, именно этот вывод стал для меня принципиально важным: ребенок – это личность! Если мы научимся к нему относиться так, это поможет решить огромное количество педагогических проблем.

Ребенок – это человек, у которого мы можем очень многому научиться, который не только меняется под нашим воздействием, но и безусловно меняет нас.

Симон Львович Соловейчик был высокий, худой, слегка сутулый человек с очень интеллигентным и добрым лицом. Его глаза, за стеклами очков, всегда смотрели на мир чуть удивленно. И это все делало его похожим на Дон Кихота.

Дон Кихот – это тот, кто живет так, как считает нужным. Живет, защищая свои принципы, даже, когда это вполне кровавая защита.

Таким был Соловейчик. Дон Кихот российской педагогики. Абсолютно добрый. И абсолютно непримиримый в тех случаях, когда речь идет о детях. Мудрый и точный в своих очень глубоких работах.

Именно поэтому его книги не только не устарели, а, кажется, стали еще более актуальными.

«Педагогика для всех», которую Вам сейчас предстоит прочесть, кого-то поддержит в его педагогических устремлениях: я не один так думаю, значит, я прав. А чьи-то убеждения, я уверен, поколеблет или даже перевернет.

Эта книга необходима всем, кто считает: нет более важного дела на земле, чем помочь раскрыться и попробовать помочь стать счастливым собственному ребенку.

Я оставляю Вас наедине с потрясающим собеседником.

Книга первая

Человек для человека

Глава 1

Цели воспитания

1

Не без смущения, не без страха предлагаю я эту книгу. Одно могу сказать в оправдание: я не собирался, я не хотел! Почти сорок лет занимаюсь я детьми, воспитывал чужих и своих, работал вожатым и учителем, писал о детях и для детей; но однажды я задал себе вопрос: отчего это в одинаковых условиях в одних семьях вырастают хорошие дети, а в других плохие?

Когда мы встречаемся с бездушными, бессердечными, бессовестными людьми, мы обычно спрашиваем: «Откуда? Ну откуда же?!» Попытаемся отыскать самый корень – не бесчеловечности, нет! – корень человечности отыскать.

Нам всем приходится воспитывать друг друга, потому что мы не умеем воспитывать маленьких детей.

Обычно пишут: «Автор призывает нас...» Нет! Автор не призывает. В этой книге исследуется процесс воспитания детей, и притом не трудных, а обыкновенных. Попытаемся понять, что же происходит между нами и нашими детьми, когда мы их воспитываем, и какую силу имеют различные наши педагогические действия, что возможно в воспитании и что невозможно, что из чего получается.

Даже дети знают, откуда берутся дети; но откуда берутся хорошие дети?

Педагогика для всех – наука довольно жесткая, как и все науки. Она не предписывает, как жить и каким быть, она даже не прописывает рецептов воспитания: она лишь исследует, при каких обстоятельствах с детьми все будет хорошо, а при каких непременно будут трудности.

Так получается, а так – нет. Вот все, что может сказать педагогика, но это немало.

2

Воспитание детей – старейшее из человеческих дел, оно ни на один день не моложе человечества; оттого оно кажется несложной работой: все справляются, и мы справимся. В действительности взгляд этот обманчив, я бы даже сказал – коварен. В самом деле, ни в какой другой человеческой деятельности итоги не отличаются так разительно от затраченных усилий.

Воспитание зависит от трех переменных: взрослые, дети и отношения между ними. Это задача с тремя неизвестными из трех! Математики за нее не взялись бы.

Попытаемся решить ее, насколько это возможно. Переберем все три неизвестные величины: первая глава книги посвящена родителям, вторая – детям, а третья, соответственно, отношениям между родителями и детьми.

Должен предупредить, что многим книга покажется слишком трудной, слишком «философской». Потрудимся. Как бы высоко ни занесла человека судьба, как бы круто ни обошлась она с ним, счастье его или несчастье – в детях. Чем старше становишься, тем больше это понимаешь.

3

Этого мальчика зовут Матвей, Матусь, Матусик. Друзья подшучивают надо мною:
– Педагогика от Матвея!

И действительно, неизвестно, кто кого воспитывает: мы его или он нас.

Да, дети сильно затрудняют жизнь, с ними никак не управиться, но ведь еще сильнее они помогают нам, причем в главном – помогают человеку управиться с самим собой.

И разве не все мы посланы в эту жизнь? Не все призваны?

Для чего – призваны? Для чего – посланы?

Нам не справиться ни с одной загадкой в воспитании и не ответить ни на один самый простой вопрос, пока мы не знаем, для чего мы сами-то призваны в жизнь. Тут мы все и попадаем, даже культурнейшие и умнейшие из нас: мы думаем, будто есть ответы на простые вопросы – без сложных, будто можно ответить на бытовой вопрос воспитания – без ответа на вопросы этические. А это невозможно.

Мы спрашиваем: «Что делать, если ребенок...» – что делать, если ребенок непослушен, упрям, капризен, медлителен, неряшлив, грубит, плохо учится, ленится, грызет ногти, поздно приходит домой, вообще не выходит из дому, не читает, только и делает что сидит над книгой, курит, ворует, обманывает, связался с дурной компанией, не имеет товарищей, жаден, скрытен, скуп, застенчив, необщителен, труслив, несамостоятелен, безвольный, нечуткий, невнимательный, злой?

Но ответов на уровне «Что делать, если ребенок...» нет, они живут, эти ответы, в другой сфере – в этической.

4

Вот так началась жизнь Матвея: он родился в тот день, когда его старший брат ушел служить матросом на Северный флот, а старшая сестра его заканчивала школу. А он явился, деловитый, словно для того, чтобы мы все подобрались и вошли в то особое расположение духа, для которого нет слова в языке – не назвать ли его *детным* состоянием?

Одни из нас живут в мире без детей, а другие – в мире, полном детей. Дети составляют если не весь смысл жизни, то, во всяком случае, важную часть этого смысла. Такой человек не может пасть духом, отчаяться, залениться – у него есть дети, их надо кормить, им надо подавать пример бодрости и человечности.

Дети связывают нас с миром. Рождаясь, ребенок словно выныривает из вечности, и, общаясь с детьми, мы как бы приобщаемся к вечности.

Детного человека легко узнать: дети ему интересны. Для *недетного* человека ребенок прежде всего объект воспитания. Протянув ребенку яблоко, такой человек обязательно напомним: «Ты, кажется, забыл что-то сказать?» Он не получает радости от того, что у ребенка есть вкусное яблоко, его радует только воспитанность, он не знает других отношений с ребенком, кроме воспитательных, и школьнику он умеет задать лишь один вопрос: «Как учишься?»

Сын не судья своему отцу, но совесть отца – в его детях. Они каким-то образом связаны с нами, и если мы поступаем дурно, то это сказывается на них. Может быть, чувство вины остается в наших глазах и дети его улавливают?

Театральному режиссеру начальство предложило не совсем благовидную сделку с совестью. Режиссер возмутился: «Что вы? У меня же сын растет!» Начальство не поняло: при чем тут сын? Кто трогает его сына? Но режиссер стоял на своем. Он не мог поступить бессовестно, потому что у него есть сын, – на этом основании!

Нельзя – дети видят. Нельзя – здесь дети. Нельзя – что скажут дети? Нельзя – у меня же дети есть! Детным людям нельзя поступать дурно по той простой причине, что в мире есть дети.

Одни из нас всю жизнь живут в детном состоянии, другие всю жизнь в бездетном, третьи то забываются, увлеченные потоками трудов, страстей и забот, то вновь вдруг вспоминают, что у них есть дети.

Но если у нас что-то не получается с детьми, то, может быть, причина в том, что мы не замечаем их? Тогда помочь трудно. Воспитывать детей, не будучи в детном состоянии, почти безнадежное дело.

...Кровать на колесиках ходит ходуном. Энергично прыгая в ней, Матвей научился разъезжать по комнате. Под вечер оставим его одного, думаем, что уложили – все, отбой! А он подойдет к двери, приоткроет ее, высунется:

– Э-а! Э-а (Как вы тут без меня?)

И надо бы на него рассердиться, но никто не может. Мама игровым грозным голосом говорит:

– Это что такое? Ну-ка!

Мальчик смеется, и его водворяют на место.

5

Чего мы ждем от детей? Да радости, конечно, чего же еще. Из одних лишь надежд на будущее или из одного только сознания общественного долга мало кто стал бы обзаводиться детьми.

Можно порассуждать о том, что дети – наше будущее, залог бессмертия; можно смотреть на мальчика как на продолжателя рода; можно растить детей в надежде, что они будут опорой в старости, – это все так. Но детному человеку дети доставляют радость, и этим все сказано.

Иногда люди так и объясняют, отчего у них нет детей:

– Да какие теперь дети? Какая от них радость? Вон у моих знакомых...

Каждый легко продолжит, что же именно произошло «у знакомых», «у соседки», «у сослуживцев».

Историям разочарования в детях нет конца.

Вот наши дети, в нашем доме – что нам нужно, чтобы они и сейчас, и через пять лет, и через двадцать пять приносили радость, а не разочарование? Какими мы хотим их видеть?

6

У каждого из нас, даже если мы об этом не знаем, живет в голове образ Идеального Ребенка, и мы незаметно для себя стараемся подвести реального нашего ребенка под этот идеальный образ. Что бы ни сделал, что бы ни сказал малыш, мы автоматически сличаем его поступок и слово с образом Ребенка в голове, и если сходится – то мы хвалим сына, если расходится – осуждаем. Можно сказать, что живой мальчик зависит не от папы, а от своего идеального сверстника, который поселился в папиной голове. И не от мамы зависит, а от образа Ребенка, поселившегося в маминой голове. Мы воспитываем детей вовсе не по своему образу и подобию, своего образа почти никто не знает, а по какому-то сочиненному нами образу.

И первое разочарование нас ожидает, когда оказывается, что, несмотря на все наши старания и усилия, живой мальчик никак не хочет отвечать образу Идеального Ребенка, несколько на него не похож. У других дети как дети, а наш? Уж не достался ли нам какой-то не такой ребенок, вроде бракованного холодильника? Еще хорошо, что мы не просим заменить этого ребенка на другого, исправного.

Но настоящее уныние охватывает родителей, когда дети, которые росли вроде бы правильно, вырастают и оказываются негодными людьми, от которых никакой радости ни родителям, ни окружающим их, никому.

Понять причину, происхождение, природу этого величайшего из разочарований, какое только может постигнуть человека, очень важно.

Ребенок отличается от взрослого тем, что у него есть будущее, ему предстоит и вторая, взрослая, жизнь. Ребенок в наших глазах – это лежачее будущее, потом сидячее, ползающее, ходящее, бегающее и прыгающее. Но поскольку у него две жизни, детская и взрослая, то и образ его в нашей голове двоятся. Мы видим Петю сегодняшнего, но загадываем о Пете будущем, это естественно. У нас есть образ Идеального Ребенка, но есть и образ Идеального Человека, мужчины или женщины.

Но два образа, Ребенка и Человека, довольно часто расходятся в одной и той же родительской голове. В этом истинная причина наших разочарований. Образ Человека мы конструируем для взрослой жизни, в нем главное – самостоятельность. А образ Ребенка нужен нам такой, чтобы легче было справиться с трудной работой воспитания, в нем главное – несамостоятельность, потому что своевольным ребенком сложнее управлять. Образ Человека – для одной цели (жить!), а образ Ребенка – для другой (воспитывать!). Но если в одной воспитательной голове два несовместимых образа, то воспитание разлагивается, и мы перестаем что-либо понимать. Мы хвалим мальчика тогда, когда следовало бы отнестись к нему с долей осуждения, и браним, когда надо было бы хвалить. Мы ждем от него одного – и в то же время другого, мы запутываемся сами и запутываем сознание ребенка. В результате во всех порах семейной жизни, как пыль, накапливается раздражение. Все недовольны друг другом, все легко раздражаются, все чего-то требуют друг от друга, и никому не угодишь.

Педагогическая постройка рассыпается.

7

Итак, нам нужно заняться тем Идеальным Мальчиком, той Идеальной Девочкой, которые живут в наших головах. Если уж перевоспитывать кого-нибудь, то сначала их, а не реальных наших детей. Нужно создать такой образ Ребенка, чтобы из него непротиворечиво вырос образ Человека – и сам человек.

Но каков тот образ Человека, который кажется нам привлекательным и манит нас? Иначе говоря, каковы на самом деле цели нашего воспитания? Сначала кажется, будто их много; но расспросите любых десять человек – и все скажут примерно одно и то же, причем в одних и тех же словах. Образ Человека у всех примерно одинаковый.

И наша беда не в том, что мы не умеем добиваться целей – умеем, все умеют. А в том, что довольно часто говорим и даже думаем, будто хотим одного, – а на самом деле хотим чего-то совершенно иного, и этого-то, иного, мы и добиваемся.

С предельной ясностью поймем, чего же мы хотим, чего мы сами хотим, вы хотите, читатель, – и наш внутренний механизм начнет подстраиваться на цель, сам собою начнет меняться руководящий нами образ Ребенка, и нам будет легче с детьми.

8

Вряд ли кто-нибудь будет спорить с тем, что человек должен быть хозяином собственной жизни; а для других – кормильцем, поильцем, помощником, заступником, защитником. Самостоятельность – это и есть первая цель воспитания. Родившегося у нас беспомощного младенца мы должны вырастить и поставить на ноги, чтобы он был достаточно здоров, достаточно раз-

вит и обучен. Чтобы помочь родителям в достижении этой цели, государством создана система образования, общего и профессионального.

Но образование оказывается почти бесполезным и не ведет к самостоятельности, если не вырабатывается у человека внутренняя самостоятельность, не укрепляется тот жизненный хребет, от которого зависят все другие качества, подобно тому как физические наши силы зависят от крепости позвоночника.

Ускользающий от нас секрет слова «самостоятельность» заключается в том, что самостоятельный – значит свободный. То есть у него шире пространство жизненных выборов. И чем свободнее человек, тем значительнее может быть его выбор, тем сильнее выбор влияет на судьбу. А значит, и ответственности за сделанный выбор у него больше.

Несвободного за ложный выбор наказывает кто-то (родители, сверстники, закон), свободного за неудачный шаг наказывает жизнь. Свобода человека определяется источником наказания за ошибки; совершенно свободен человек, если источник наказаний в нем самом, и нигде больше. Для такого человека полная свобода поведения – это максимум ответственности, это крайне напряженная нравственная и духовная жизнь.

Напряженная, трудная, опасная! Для неразвитых людей она буквально невыносима – как трудна, например, для некоторых молодых парней жизнь «на гражданке» по сравнению с армейской. Они мечтают о дисциплине, потому что не могут справиться с собой на свободе, их давит тяжесть ответственности перед жизнью, они предпочитают зависимость. Так и подростки, не знавшие свободы в детстве и не научившиеся обращаться с нею, вдруг освободившись от родительского надзора, быстрее торопятся примкнуть к какой-нибудь компании сверстников, где царит самое суровое подчинение. Для духовно развитого свобода – крылья, для неразвитого – бремя. Поскорее сбросить его с себя, взвалить на плечи другого! Когда мы наказываем ребенка, мы не усложняем его жизнь, как думают, а облегчаем, и притом опасно облегчаем. Мы берем выбор на себя. Мы освобождаем его совесть от необходимости выбирать и нести ответственность, мы перехватываем у жизни право наказания, мы ставим заглушку на источник самостоятельности. И если мы постоянно наказываем, осуждаем, делаем замечания, то вырастают люди, которые боятся самостоятельности, боятся свободы. По всем представлениям человек должен бы стремиться к свободе – но нет, он стремится прочь от нее, бежит от самостоятельности. Это, так сказать, восьмой смертный грех: конформизм. Человек не хочет быть свободным даже в мыслях! Ему показывают бумажную полоску в десять сантиметров, но все окружающие, сговорившись, утверждают, что в ней только шесть или семь сантиметров, и человек в руках психолога-экспериментатора, заикаясь и смущаясь, говорит не то, что видит, а то, что люди говорят. Он несамостоятелен, он как все, он конформист. Руки могут быть в мозолях, ум изощрен, память забита знаниями, а дух спит, не развит. К ответственному выбору человек не способен, боится его, живет в полной зависимости от своего окружения, от сослуживцев, от жены, от каких-то темных сил, поднимающихся из глубины его души. Самостоятельным его никак не назовешь.

9

Но отчего одни дети и подростки, имея свободу, раскованны, а другие распущенны?

Разница в том, как пришла к ним свобода. К ответственности ведет не та свобода, что дана или подарена, а та, что добыта собственным усилием. Ребенка и подростка развивает не свобода, как иногда думают, а собственное действие по добыванию свободы, самоосвобождение. Достичь подлинной самостоятельности можно только самоосвобождением. Ребенок и на свет появляется сам – самоосвобождением.

Запомним это слово, быть может, относительно новое для вас и редкое в педагогических книгах – самоосвобождение.

Когда ребенка оставляют без внимания, без надзора, без влияния взрослых, короче говоря, без воспитания, когда он растет вроде беспризорного, – он борется за себя в компании сверстников, на это уходят все его силы, и он вырастает духовно бедным человеком (хотя возможны, конечно, и исключения). Когда ребенку приходится освобождаться от опеки родителей, когда он борется за свободу в семье, то скандалы кухонного типа не дают толчка для развития. Подросток добывает внешнюю независимость, внешнюю свободу – чтобы сменить ее, как уже говорилось, на зависимость от сверстников. Для него свобода – лишь разменная монета: здесь добыл, там продал. Самоосвобождения не происходит.

Таким образом, ценность самоосвобождения зависит от значительности противника. Одно дело – освобождаться от мелочных родительских запретов, другое – от темноты, от трусости, от засилья дурных людей.

Если в семье мир, если ребенок с первых шагов чувствует себя свободным и знает вкус самостоятельности, то он стремится стать лучше, сильнее, старается освободиться от собственной слабости, неумелости, то есть его порыв к самоосвобождению растет. Порыв к самоосвобождению, поддержанный старшими, и дает самостоятельного, свободного, раскованного – воспитанного – человека. Да и вообще освобождаться увлекательнее, чем воспитываться.

Вон идет пятнадцатилетний мальчик; взгляните в его глаза, присмотритесь к его походке, перекиньтесь с ним двумя словами, и вы сразу увидите, кто перед вами: скованный человек? раскованный? распушенный? свободный или несвободный? воспитанный или невоспитанный? Распушенный подросток в непривычном для него обществе держится неловко, скованно. Воспитанный же человек, свободный, всюду и везде раскован, свободен в движениях и поступках, он всюду один и тот же.

Воспитание – это научение свободе, научение самоосвобождению.

10

Первый шаг ребенка к свободе – рождение. Ребенок вырывается на свет. Сам! Возможности его, прежде почти нулевые, вдруг возрастают в миллион раз, и мы скорее пеленаем его, чтобы он не наделал себе вреда.

Второй шаг к освобождению: ребенок выходит из колыбели. Если его не спустить на пол вовремя, то он сам шагнет через решетку кровати, и хорошо еще, если не вниз головой. Снова в тысячу раз увеличиваются возможности и в тысячи раз – опасности. И перестраивается внутренний мир.

Первый шаг ребенка – это и первое «нельзя». Туда нельзя, упадешь, разобьешься! Вот, быть может, самая горячая точка воспитания: первый месяц после того, как ребенок научился ходить. Это как увертюра: с чего мы начнем? С бесконечных «нельзя» – или будем стараться обходиться без них? Можно кричать «нельзя», когда ребеночек тянется к электрической розетке, а можно заклеить ее пластырем, коль скоро в доме маленький ребенок. Убрать книги с нижних полок. Переставить крючок в ванной повыше, чтобы маленький не мог запеленуться изнутри.

Обычно родители, желая облегчить себе жизнь, хотят, чтобы ребенок поскорее усвоил запреты – но так ли это хорошо? Надо ли торопиться? Кто знает, может быть, в этой свободе под надзором, которой больше никогда не будет, то есть в полной внутренней свободе вызревают и способность любить, и тяга к самоосвобождению. Она так велика, что ребенок во всем перечит родителям. Сам! Выходит с мамой из автобуса – «Я сам!» А ведь разобьется. Мама подхватывает его под мышки, держит крепко, но приговаривает: «Сам, сам! Вот молодец, сам!» Он все делает наперекор, это называют «негативизмом» – стремлением к отрицанию. Но он ничего не отрицает, он отдается мощному, ничем пока что не ограниченному стремлению к самостоятельности. Для него свобода дороже цели и успеха. Он лучше разобьется, но – сам. Так дитя

превращается в личность, а личность – это «самость». «Сам». «Я сам». И если оно, это стремление, укрепится, станет ведущей чертой характера, то все дальше будет легче, и даже подростковый трудный период будет нетрудным. Мы даем укрепиться стремлению к самостоятельности в безопасном возрасте, когда ребенок под надзором. Иначе это стремление прорвется в переходном возрасте, когда бунт и негативизм могут привести и к плохим последствиям.

Мы приучаем к свободе в пять лет – тогда к пятнадцати подросток уже умеет пользоваться ею. Кто не захотел мучиться с мальчиком от двух до пяти, а вышколил его, сделал удобным для воспитания, тот почти наверняка хлебнет с ним горя в его пятнадцать-шестнадцать лет, если, конечно, не родился какой-то особый, может быть, даже флегматичный ребенок, из тех, про которых мамы говорят: «А мой такой – посадишь его, он и сидит». В старину говорили: нянчитесь с маленьким ребенком, не придется нянчиться со взрослым.

Третий шаг еще более значительный: ребенок, освоив дом, выходит во двор (или в детский сад). Теперь он вступает в долгий период полусвободы-полунадзора, и начинается обучение ответственности. Сначала мама еще рядом, она предупредит об опасности или защитит. Надзор – он же и защита, многие люди и всю жизнь с радостью провели бы под надзором. Потом мама уходит домой, но и ребенок может скрыться, спрятаться дома. Он устает во дворе не от игр, а от самостоятельности. Он бежит домой, но горе ему, если его встречают суровым: «Ты где шлялся? Ты посмотри на себя, на кого ты похож?» Дом должен быть норкой для маленького ребенка и берлогой для большого, для подростка. Когда бы и откуда ни вернулся сын домой, встретим его с радостью. Из многих и многих воспитательных мер я не знаю более сильной, более значительной по влиянию на судьбу, чем радость родных, когда человек входит в свой дом. Все дети, видимо, делятся на тех, кого встречают с радостью, и на тех, кого встречают безразлично, хмуро, сердито. С выговорами и нотациями.

Так просто! Когда сын, сколько бы ему ни было, выходит из дома, мама каждый раз (и даже если у нее гости) провожает его и всегда повторяет: «Осторожнее на улице!», а когда хлопнет дверь – сын вернулся, мама встречает его (даже если у нее сто гостей!) – встречает с радостью. Где он ходил, мы не всегда знаем и знать не можем, но мама все равно была с ним, он от нее ушел, к ней вернулся. Он еще не совсем справляется с собой, но мама с ним, мама в нем, мама добавляет недостающую силу. Ослабляется надзор – должна усиливаться внутренняя, душевная связь с домом, она заменяет надзор. А если ни надзора, ни внутренней связи – пиши пропало.

Но вот и следующий шаг: ребенок выходит со двора в школу. Теперь родительский надзор практически невозможен, на контроль нечего надеяться; теперь затаись, не дыши и старайся дать сыну или дочери побольше домашнего тепла. Он ведь как на передовой сейчас, маленький первоклассник, еще не умеющий открыть свой собственный ранец, а мы – тыл, тыловая служба. Горе мальчику, если на него наступают в школе и предают в тылу, если на него обрушиваются со всех сторон!

Следующий шаг невидимый: выход из детства. В некоторых цивилизациях он отмечается особыми обрядами «инициаций». Бывает, ребенку меняют имя или ему приходится пройти суровейшие физические испытания. С наступлением отрочества освобождается стопор сжатой прежде пружины полового развития, девочка постепенно превращается в девушку, мальчик – в юношу: «Безвестных наслаждений ранний голод меня терзал...»

С новыми неясными мучительными желаниями освобождаются силы характера, дремавшие прежде. Происходит как бы второе рождение – другой человек, новый, взрослый, и теперь он может сам добыть то, чего не дали ему родители. С другой стороны, в нем, взрослом, исчезает все то, чего мы так старательно добивались, – исчезает способность к послушанию. Теперь все зависит от крепости внутренней связи с домом. Сумели с детства сделать ее прочной – переживем и трудное время; не сумели – намучаемся.

И наконец, наши дети выходят из школы – в мир, а затем из родительского дома – в собственный. У них появляется семья и свой первый ребенок. Цикл закончен. С рождением детей как бы заканчивается и рождение родителей. Ведь самый глубокий, биологический смысл воспитания – превращение детей в родителей. Из детского состояния они переходят в детное.

Теперь молодой человек полностью свободен от родительского надзора. Он должен сам регулировать свое поведение, иначе он, увы, вполне может вернуться в прежнее положение для доучивания: его лишают свободы, устанавливают полный надзор, и почти никакой у него теперь ответственности.

Выход в жизнь, выход из колыбели, выход из дома, выход со двора, выход из детства, выход из школы, выход из семьи – вот семь главных периодов на пути от рождения до рождения. А там – жизнь и, наконец, абсолютная свобода от всякой ответственности – смерть.

Чтобы от выросших детей была радость, они должны быть полностью независимы от нас материально – и полностью соединены с нами душевно. Чтобы навсегда сохранялось тепло отношений. Ах, какая бывает радость от взрослых детей! Она ни с чем не сравнима, у нее вкус другой, от нее замираешь. Если же идеал кажется недостижимым (полная независимость – полное соединение), то лишь потому, что мы, родители, чья первая цель – самостоятельность ребенка, почему-то боремся с этой самостоятельностью не уставая... Между тем Макаренко открыл, что жизни на свободе можно научить только жизнью на свободе. Он и преступников учил свободе – свободой, ответственности – ответственностью, а не лишением того и другого.

Придержим рвущиеся из души вопросы: «Но как, но как же?» и «Но что же делать?». Мы пока строим лишь одну стену воспитательной постройки, а одна стена не держится. Вся остальная часть книги и представляет собой ответ на простейший с виду вопрос: как вырастить самостоятельного человека?

11

Чтобы понятно ответить на какой-нибудь вопрос, нужно пользоваться понятными словами. Тут-то и поджидает нас скрытое препятствие.

Сотни лет повторяет мир иронически-грустную шекспировскую фразу: «Слова, слова, слова...». Имеются в виду возвышенные слова, которыми так часто прикрывают пустоту.

Но что же делать? Педагогика без высоких слов и понятий – обман, обман, обман... В высоких словах может содержаться ложь, а без них все оборачивается ложью неминуемо. Вот и выбирай.

Решительно выбираем! Идите сюда, слова-принцы и слова-нищие, слова, над которыми посмеиваются и без которых не могут жить, блестящие и затертые, содержащие и высшую правду, и самую безобразную ложь, слова, от которых, как нам кажется, ничего не зависит, но от которых на самом деле зависит все. Идите сюда, слова несерьезных, неделовых людей: совесть, правда, честь, свобода, сердце, радость, счастье, красота, добро, вера, надежда, любовь, справедливость, нравственность, долг, дух, душа и духовность.

Без этих понятий нам не справиться с детьми.

Есть рыцари толкового словаря, до того преданные точному мышлению, что о каждом слове с азартом спрашивают: «А что это такое? А что вы под этим понимаете?» Спокойно! К концу книги все необходимые понятия будут если не определены, то разъяснены и сопоставлены. Больше тревожит другое возможное обвинение – в бесцеремонности. Высокие слова поэтичны, высокие слова святы, к ним и прикасаться-то – кощунство.

Но мы занимаемся делом, нам детей растить, нам придется преодолеть страх и разбирать высокие слова, рассматривать их, заглядывать в них и пользоваться ими как инструментом. Простите нас, высокие слова!

Говорится: видимо-невидимо...

В воспитании детей всё видимо – и невидимо. Но пока мы пытаемся рассуждать и действовать на уровне видимого, ничего не получается, и мы даже не можем понять отчего.

Займемся непривычными нам явлениями, невидимыми, на уровне высоких слов. От них, а не от чего-нибудь другого зависит успех видимого воспитания.

12

Мамы чаще всего говорят о ребенке так:

– Был бы человек хороший, больше мне ничего не нужно.

Именно в таком порядке слов: «человек хороший», с ударением на «человек».

Все устали от дурных людей, от бесстыжих слов, от бессовестно сделанных вещей, от элементарной непорядочности. Устали от людей, безразличных к людям.

В исследовании, проведенном психологами, когда испытуемым предложили список из пяти качеств, важных для человека, большинство поставили слово «доброта» на первое место. Мы все мечтаем о добром окружении.

Но когда этим же самым людям предложили такой же точно список – но для себя, то слово «добрый» было сброшено с чемпионской первой ступени на третье-четвертое место. «Вы, пожалуйста, будьте добрее ко мне, а у меня доброты хватит» – так это нужно понимать.

Каждый из нас кажется себе очень добрым; отчего же в мире так не хватает доброты? Каждый склонен ждать добра от другого, а не от себя.

Несмотря на общую нашу тоску по совести и добру, у человека есть основания сомневаться: доброта и честность – это достоинство или недостаток? Сила или слабость?

В этом сомнении – всё. Тут сердце, нет, тут сердцевина всех наших воспитательных стараний.

Воспитать честных и добрых детей, воспитать «человека хорошего» можно, и притом в любых, даже самых отвратительных обстоятельствах; но для этого необходимо, чтобы кто-нибудь рядом с детьми, хоть один человек из многих – вы, читатель, или кто-нибудь другой – искренне, глубоко, не сомневаясь – то ли с детства не сомневаясь, то ли победив сомнения, – верил, что доброта и честность, или любовь и совесть (что одно и то же), не только не слабость человеческая или глупость, но в них-то вся сила, в них весь разум мира.

Любовь и совесть правят миром.

В этой строчке, которая может вызвать и усмешку, в этой строчке, где каждое слово может показаться напыщенным, в этой ничего не значащей для многих людей сентенции – в ней бьется живое сердце воспитания. Вся судьба детей, вся наша детная жизнь – в этих словах, в том, что за ними скрыто.

13

Любовь и совесть правят миром людей. Мы не всегда это замечаем, как не чувствуем воздуха, которым дышим, но испытываем удушье, когда его не хватает. Да, воздух загрязнен, загазован, дышать трудно, только об этом и говорят: какой, дескать, теперь воздух? Но дышим мы все-таки по-прежнему – воздухом, питаемся кислородом, в нем содержащимся. Любовь и совесть – кислород нравственной атмосферы, в которую каждый из нас погружается с первым вдохом, с первым криком. Не все мы верим в силу любви и совести, сомневаемся даже в их существовании (а есть ли любовь? есть ли совесть?), но всякое их ослабление делает жизнь невыносимой. Для каждого в отдельности и для всех вместе.

Одни думают, будто можно прожить без любви и совести; другие говорят: «Любовь! Только любовь!»; третьи стремятся к правде, справедливости, совести. Но в предложении «Любовь и совесть правят миром» главное слово – «и». Союз. Соединение. Слияние. Содей-

ствие. Сосуществование. Здесь главная нервная точка всей нравственной жизни, здесь единый центр бесконечного числа кругов, описывающих всю нашу жизнь, все наши поступки, все наши отношения, – в этом маленьком, как и подобает быть точке, «и».

Совесь охраняет доброту, добро очищает совесть. Совесть наступает, требуя справедливости, любовь прощает и позволяет отступить. Совесть непримирима, любовь мирит. Совесть разводит людей, любовь сводит их. Совесть требует казни, любовь призывает к милосердию.

Одной лишь любовью, без правды, без совести, ребенка не вырастишь. Одной лишь ответственностью, без любви и великодушия, ребенка погубишь.

Но миролюбие и совесть, любовь и правда не всегда уживаются. И только высочайшее миролюбие совестливо само по себе, и полна любви высочайшая совесть. Только на пиках любовь и совесть сходятся, становясь красотой. Совесть и любовь сталкиваются, совесть и любовь едины – оттого красота всегда живая. Оттого и говорится, что красотой мир спасен будет! Любовью и совестью. Правдой, согретой любовью.

...Высокие слова, отвлеченные. «А меня, – слышу я, – беспокоит мой Петька. Он опять не пришел из школы домой, шатается где-то!»

Но это все про Петьку. Это все для Петьки. Чтобы он по-прежнему шатался где-то целыми днями, мальчишки и должны шататься, но чтобы с толком!

14

Любовь и совесть правят миром. Я пишу эти строчки в шесть утра, на кухне, и притом на чужой. Истертая клеенка на столе, помятые алюминиевые кастрюли над плитой, хозяйка дома – старые люди. Я оглядываюсь вокруг. Всмотриваюсь в свою жизнь – да так ли? Сомнение охватывает меня, как и каждого человека схватывает иногда сердечная боль. Да так ли?

Любовь и совесть правят миром.

Нет-нет, читатель, я не уговариваю вас жить по совести, кто я такой? Я просто обращаю ваше внимание на одно педагогическое обстоятельство: если мы хотим, чтобы наши дети выросли добрыми и честными людьми, то мало быть такими же по отношению к детям, хоть это трудно. Но надо еще и верить в любовь и совесть – и более простого способа достичь своей цели в воспитании нет. Да, Петька шастает где-то, но мама встретит его сурово и нежно, потому что в ее душе любовь и совесть.

Свойства и судьба детей строго зависят от того, какое из пяти нижеследующих высказываний (разумеется, таких градаций не пять, а бесконечное множество, потому-то люди и разные) кажется нам достоверней:

1. В мире нет ни любви, ни совести.
2. А есть ли в мире любовь? Есть ли совесть?
3. Нет, все-таки в мире есть любовь и совесть.
4. В мире есть любовь и совесть.
5. Любовь и совесть правят миром.

И тому, кто находится на уровне первого утверждения или близок к нему, тому, боюсь, не помогут в его делах с детьми ни советы, ни консультации, ни доценты педагогики, ни профессора психологии. Так – не получается.

Если бы здесь было сказано: «Зимой дети должны ходить в обуви», никто не стал бы возражать или спрашивать, где ее взять. Кто заботится о детях, тот где-нибудь да найдет ботинки, не вступая в спор, нужны они или нет. Точно так и в невидимых нравственных делах. Справедливо утверждение относительно любви и совести или несправедливо, трудно оно дается или мучительно, нравится оно или вызывает возмущение, но для воспитания честных и добрых людей необходимо верить в правду и любовь.

Детным людям нельзя не верить в красоту нравственного мира, иначе мы не воспитываем, а развращаем детские души. Будем верить в его красоту – ради детей и вместе с детьми.

15

Мы не первые на земле живем, и до нас люди жили, и до нас детей воспитывали, и всегда были честные и бессовестные, добрые и злые, и всегда казалось, что время невыгодно для воспитания. Как вырастить хороших людей в дурных обстоятельствах? – это старинная проблема, и всегда одни люди решали ее, а другие находили оправдательные причины для объяснения бесчестности и недоброты выросших своих детей: мир виноват. Но в одном и том же мире есть хорошие школы и плохие, хорошие семьи и дурные, хорошие дети и ужасные. Воспитание зависит от мира, но оно и не зависит от него, автономно. Иначе в каждом обществе все люди были бы одинаковы.

Как оставлены нам леса, озера, поля, реки – земля, так оставлены богатства любви и совести. И точно так же, как беспокоимся мы о сохранности тех природных богатств, должны мы думать о сбережении богатств нравственных – в нашем доме, в нашей семье, в наших детях.

Трудно держать в уме множество воспитательных целей, все равно не удержишь. Если наши дети будут совестливы и добры, этого достаточно, все остальное приложится. Из школы, из жизни они сами будут выбирать и вбирать в себя все доброе и честное. Будет основа – и серьезное воспитание во всех его видах и направлениях пойдет им впрок.

Но нельзя строить третий и пятый этажи там, где нет фундамента.

16

Любимый вопрос родителей: «Как подготовить ребенка к школе?» Учителя и психологи отвечают: приучайте его к аккуратности, учите быть внимательным и так далее – как будто в школе только уроки, учение, учитель. Но в школе класс, другие дети, товарищи! Подготовим маленького к самостоятельной жизни среди сверстников, попытаемся научить его простым правилам детского общежития.

Не отнимай чужого, но и не все свое отдавай.

Попросили – дай, пытаются отнять – старайся защититься.

Не дерись без обиды.

Не обижайся без дела.

Сам ни к кому не приставай.

Зовут играть – иди, не зовут – попросись, это не стыдно.

Не дразни, не канючь, не выпрашивай ничего. Никого два раза ни о чем не проси.

Из-за отметок не плачь, будь гордым. С учителем за отметки не спорь и на учителя за отметки не обижайся. Делай уроки, а какие будут отметки, такие и будут.

Не ябедничай за спиной у товарищей.

Не будь грязнулей, дети грязнуль не любят, не будь и чистюлей, дети не любят и чистюль.

Почаще говори: давай дружить, давай играть, давай водиться, давай вместе домой пойдем.

И не выставляйся! Ты не лучше всех, ты не хуже всех, ты мой любимый. Иди в школу, и пусть она тебе будет в радость, а я буду ждать и думать о тебе. Дорогу переходи внимательно, не торопись!

...Я отложил ручку, потому что из коридора раздался отчаянный Матвеев крик – что такое? Упал? Разбился? Кровь хлещет?

Ах, вон в чем дело! Вечная история с ним.

В старых книгах писали, что дети, вырастая, проходят такие же стадии, какие прошло человечество: стадия собирательства, стадия охоты, стадия орды. Теорию эту в свое время раскритиковали и забыли, но вот наш мальчик подрос, ему три года, и он явно вступил в стадию собирательства. Дай ему конфетку – побежит и спрячет ее в какое-то свое укромное место, где уже хранятся обломки игрушек, бумажки, палочки, камушки, стеклышки. Оставь часы на столе, и через минуту придется грозным голосом спрашивать:

– Матвей, где мои часы?

Бежит к полке, маленький, достает из-за книг и честно протягивает: на, мол, пожалуйста, если они тебе нужны, – я думал, они просто так лежат...

Я не ругаю его, я радуюсь, что часы нашлись, что он помнит, куда спрятал. Раньше он забывал, и пропавшие вещи исчезали навсегда или по крайней мере до перестановки мебели. Нет, он не вырастет ни воришкой, ни скопидомом, с ним все будет в порядке, с этим мальчиком, просто сейчас у него такая стадия. Любимые игрушки – пустой чемодан и сумки. В чемодан можно собрать и спрятать полдома, а с сумками на кухне такая игра: складывать маленькие сумки в большую, клетчатую, с двумя кожаными ручками. Ничего, пусть играет, и спасибо, что сумками, а не чашками и не блюдами. Но несчастье в доме, когда ему, как это только что случилось, приходится в голову засунуть большую клетчатую сумку в маленькую, а это, естественно, не получается.

Орет на весь дом! Плачет! Крупные слезы по щекам текут, утирается, оскорблен, не может вынести такой несправедливости, кричит в голос!

Все сбегаются, все пытаются объяснить, что он хочет невозможного, пытаются показать мальчику, что большая сумка никогда не поместится в маленькой, и даже сердятся на него – ну что за мальчик такой упрямый!

Мрачно слушает, замолкает, мрачно отталкивает всех и... снова хватается за большую сумку, засовывает ее в маленькую, и вот-вот, кажется ему, получится, ну еще усилие... Но нет! И опять раздается отчаянный рев, опять он громко рыдает, несчастный! И нет средств успокоить его, пока не придет ему в голову какая-нибудь другая мысль, более удачная.

Маленькие дети потому с трудом понимают слово «нельзя», что оно бессодержательно. Мама танцует со щеткой в руках – подметает, и мальчик повторяет ее движения. Вот действие – вот оно повторено. Но что значит «нельзя»? Нельзя – это щетка? Нельзя – это что-то острое? Некоторые дети так и думают, и маленький тащит гвоздь: «Мама, я нашел „нельзя“». Но почему, когда берешь эту газету – все молчат, хоть в клочки ее разорви, а до этой чуть дотронешься, кричат «нельзя»? Пойди догадайся, что та газета – вчерашняя, а эта – сегодняшняя.

И уж совершенно недоступно маленькому понятие «невозможно». Это все равно что сказать ему «перпендикулярно» или «конгруэнтно». Что это значит?

Степень развития хорошо видна по отношениям человека со словом «невозможно». «Нельзя» – запрет людей, он понятен. «Невозможно» – запрет природы, с ним разум соглашается неохотно. Уже и запрещали изобретать вечный двигатель, а все же люди пытаются. Но в большинстве своем взрослые понимают слово «невозможно». Однако благоразумнейшие люди буквально теряют разум, когда дело касается воспитания детей. Они, как маленькие, перестают понимать значение слова «невозможно», не принимают его смысла, чуть не плачут – как так? Запреты природы им понятны, запреты педагогики оскорбляют их. Как так? Я директор, я все

могу, мне подчиняются тысячи людей, а с этим семилетним мальчишкой я не могу справиться? Не может этого быть!

Но во всякой науке, во всяком искусстве, как и в природе, есть свои принципиальные запреты. Невозможно построить вечный двигатель, невозможно соорудить плотину из песка на бурной реке, невозможно засунуть большую сумку в маленькую, невозможно влиять на ребенка, не имея влияния на него, невозможно вырастить идеально доброго ребенка в мире, где столько зла, невозможно вырастить ребенка с абсолютно чистой совестью в мире, где столько несправедливости, и невозможно воспитать добрых, честных, отзывчивых и чутких детей, не веря в силу любви и правды.

Поймем возможности воспитания, постараемся более трезво оценить свои собственные силы, и наши дети станут если и не совершенными людьми, то, по крайней мере, людьми, стремящимися к совершенству.

18

Теперь о счастье.

... В родительский день в летний лагерь шел «Икарус», мамы и папы ехали к своим детям. Я же направлялся в лагерь по делу. Сидевшая рядом со мной у окна скромно одетая сдержанная женщина открыла томик Чехова. Дорога предстояла длинная, книжки я не захватил, люди вокруг были чужие, я стал думать о работе. И тем же тоном, каким спрашивают, например: «Вы не знаете, скоро ли мы приедем?» – я неожиданно для себя и тем более для соседки спросил ее:

– Простите, вы не знаете, что такое счастье?

Женщина с томиком Чехова в руках оказалась замечательной собеседницей. Она не стала спрашивать меня, отчего я задал такой странный вопрос, не стала с ходу отвечать: «Счастье – это...», она не сказала мне, что счастье – когда тебя понимают, или «что такое счастье – это каждый понимает по-своему», – не стала говорить цитатами: нет, она прикрыла книгу и долго молчала, посматривая в окно, – думала. Наконец, когда я совсем уже решил, что она забыла о вопросе, она повернулась ко мне и сказала...

Вернемся к ее ответу позже. Спросим себя: что такое счастье? Ведь, говоря о детях, мы все повторяем:

– Были бы они счастливы!

Что кроется за словом? Какого счастья мы желаем детям? Конечно, интересно, что думает женщина в автобусе, и что говорят философы, и что пишут в книгах. Но нельзя ли узнать, а что на самом деле счастье? Не кто что думает о нем, а в действительности?

Оказывается, это возможно.

19

В каждой стране есть свой Главный педагог – народ, и есть Главный учебник педагогики – язык, «практическое сознание», как давно писали классики. За поступками мы обращаемся к народу, за понятиями – к языку народа. Я не должен объяснять, что такое счастье, я должен смиренно спросить об этом наш язык – в нем все есть, из него все поймешь, прислушиваясь к слову в сегодняшней нашей речи. Обычно идут от происхождения слова, от его этимологии. Происхождение важно, но еще важнее жизнь слова. Народная мысль содержится не только в пословицах и поговорках, в народной мудрости (пословицы как раз и противоречивы), но в распространенных, обычных фразах и оборотах речи. Поищем: с какими другими словами сочетается интересующее нас понятие, почему так можно сказать, а так нельзя. Так говорят, а так – не говорят. Это никогда не бывает случайным.

И еще один верный источник важных сведений есть в нашем распоряжении: Пушкин. Поэт, никогда не поставивший рядом два случайных слова. В вопросах этики и психологии Пушкин настолько точен, что, я думаю, и вы, читатель, согласитесь с утверждением: как у Пушкина – так правильно. Почти все ссылки здесь (и все ссылки без указания автора) – на Пушкина.

Все важнейшие этические и педагогические понятия, необходимые для воспитания детей, будем извлекать не из толковых словарей, не из учебников и монографий и даже не из сборников мудрых мыслей, как принято сейчас делать, а из живой речи, из пушкинского языка, то есть из глубин нашего общего сознания. Детей можно воспитывать лишь собственными убеждениями: их и разберем.

20

Мы говорим: «счастливая доля», «счастливый случай», «счастливая судьба», «счастье привалило», «вытянул счастливый билет».

Счастье – часть, у-часть, лучшая доля из всего, что может дать жизнь.

Она может быть счастливой, а может – и худшей, плохой, злой: «Плохая им досталась доля» (у Лермонтова), «злосчастный человек», «горе-злосчастье», «злая судьба моя».

Самые деятельные, всего достигшие своим трудом люди все-таки говорят: «Мне выпало счастье... Мне дано счастье...»

Счастье – фортуна, судьба, о которой мы ничего не знаем, и если его нет, то говорят: «Такая уж у меня судьба», «Видно, мне так на роду написано».

И когда мы говорим: «Пусть будут дети счастливы», мы словно желаем им счастливого пути по жизни – пусть судьба будет милостива к ним, пусть ничего дурного с ними не случится, пусть им везет во всем, пусть они будут удачливы. Одно только это горячее желание счастья детям соединяет нас с ними, и нет воспитания, где мать не желает счастья своему ребенку, не мечтает о нем. Когда мы сердимся на детей, мы забываем, что желаем им счастья, разъединяемся с ними, оставляем их беззащитными перед судьбой. Ведь если поссориться с ребенком, а с ним что-то случится, то не можешь себе простить.

Как воспитывать детей? Каждую минуту и всей душой желайте им счастья сейчас и в будущем – этого достаточно!

21

Желайте счастья? Да разве оно от нашего желания зависит?

Но мы не раз еще столкнемся с законом духовной жизни: все, что есть в человеке, возникает из двух встречных движений, из двух сил: из движения, направленного от мира к человеку, и движения от человека – к миру. Противоположные эти силы, встречаясь в одной точке, не уничтожаются, а складываются. Но если встреча не происходит, то обеих сил словно и не было. Предположим, человеку нет удачи ни в чем, несчастья преследуют его, и выпала ему, быть может, от рождения тяжелая доля. Не всякий сумеет победить судьбу. Но сильный человек умеет использовать самый незаметный шанс, который, конечно, есть в жизни каждого.

Так человек побеждает судьбу. Вернее, не судьбу, а трудности, которые посланы ему судьбой.

Говорят: нашел свое счастье, добыл счастье, достиг счастья и даже – украл чужое счастье. Язык требует действия: нашел, поймал, добыл, достиг, вырвал у судьбы свое счастье, всякий человек – кузнец своего счастья.

Чтобы наши дети нашли свое счастье, они должны стремиться к нему. Неукротимое, неуправляемое, жгучее желание счастья... Если бы удалось пробудить его, оно стало бы главным

воспитателем в нашем доме, оно само сделало бы все остальное. Когда родители желают счастья ребенку, верят в него – желают не сиюминутного успеха, а именно счастья, и притом большого и долгого, то они заражают ребенка этим стремлением. Бывает сомнительным стремление к славе, к первенству, к превосходству, к богатству, к успеху – все требует оговорок и пояснений. Но язык поднимает слово «счастье» так высоко, что желание счастья другому безоговорочно. Счастье – такое благословенное состояние, такая благодать, что оно всегда прекрасно.

Мы говорим: я почувствовал себя счастливым, я испытал счастье, безудержное счастье охватило меня. Счастье нахлынуло, накатило, волна счастья захлестнула, я почувствовал себя счастливейшим человеком, самым счастливым на земле.

Откуда уверенность, что счастливейшим? Может, кто и посчастливее есть на земле? Нет, такого нет: «счастливее меня быть невозможно», «я самая счастливая».

Счастье – состояние абсолютной полноты, когда счастливее быть нельзя. Говорят даже: он переполнен счастьем.

В этом-то и счастье от счастья: переполнен, ничего больше не нужно, нет других желаний, нет желаний вообще – кроме одного, чтобы счастье продлилось, чтобы время остановилось: счастливые часов не наблюдают. Человек в состоянии счастья чувствует себя совершившимся и совершенным, у него нет желаний.

Вот искусство воспитания: вырастить человека, стремящегося к большой жизни. Желание счастья не грызет, не мучит такого человека, а переполняет его. Он чувствует себя живым, бодрым.

Как это достигается? Не отказом детям в их желаниях и не потачками, а воспитанием духа.

22

Бывает, что родители очень заботятся о детях, стараются сыграть в их жизни роль счастливой судьбы. Устраивают их и в школу получше, и в институт, и всюду. У детей вроде бы все есть – кроме счастья. Счастливчики, но не счастливые. В чем же дело? Обычно сходятся на том, что не надо было помогать, пусть бы дети сами – нам-то никто не помогал в молодости.

Но как же так? Как не помочь детям, если есть возможность? Что же мы за люди были бы, если бы отказывали детям в помощи, исходя из каких-то абстрактных педагогических построений или мстя им, как муравей стрекозе: я потрудился – и ты поди-ка потрудись. Мы не нравоучительные муравьи и дети не стрекозы, у нас другие отношения, мы любим детей и готовы помогать им, конечно, не поступаясь совестью.

И не в том беда, что родители помогают детям, а в том, что они считают, будто этого достаточно. Нам все время кажется, будто мы слишком много даем детям, а на самом деле мы им постоянно недодаем чего-то очень важного. Обладая связями, родители обычно не обладают той внутренней тягой к счастью, которая увлекла бы и детей. Человек со связями сам-то скорей всего добивался успеха, а не счастья, и потому он не может научить счастьем детей.

Счастье – не вещь, и не склад вещей, и не положение, и не денежное состояние, а состояние души, возникающее при достижении сильно желаемого.

Ничего не желающий человек никогда не узнает счастья. О женщине говорят: «Какая счастливая! У нее есть все!» – у нее есть все, что для другой, для других, а может быть, для всех других лишь предмет желания. Но сама-то счастливая и возбуждающая зависть не чувствует особого счастья: ее счастье, как и у всех, в том, к чему она стремится. Если же ей не к чему стремиться или нет возможности достичь желаемого, то она вовсе не счастлива, как ожидается другими, а несчастна – и, может быть, сильнее других. «Ну чего ей еще не хватает?» – говорят о ней (и мы иногда так о детях своих говорим!), а ей – и детям нашим – не хватает того же, что и всем: желаний и их исполнения. Нелепо даже и спрашивать, в чем же состоит счастье. Оно

состоит в том, что нас понимают, и в том, что гвоздь в сапоге наконец-то удалось выдернуть, и в неожиданной встрече любимой, и в покупке пачки вкусных макарон, если очень хотелось их купить, и в победе над опасным противником или над самим собой, и в тысяче, тысяче других пустяковых или крайне важных для нас вещей.

При этом человек обычно чувствует себя счастливым не тогда, когда достигает предела мечтаний, а когда достается что-то сверх ожидаемого, сверх необходимого. Когда он может сказать: «Я об этом даже и не мечтал». Счастье не от того, о чем мечтают, а от того, о чем и не мечтают. Счастье – награда и подарок, ожидающие нас на перекрестке стремлений и судьбы. Поэтому личное счастье и нераздельно. Можно сказать: «Я разделяю ваше горе», но «разделяю ваше счастье»? Можно сочувствовать, но даже и слова нет для обозначения со-счастия, хотя, конечно, люди радуются счастьем другого: «Я рад за вас», «Я счастлив за вас», «Я счастлив видеть вас здоровым». Научить ребенка радоваться чужому счастью и не завидовать ему – половина всего воспитательного дела. Но главное – не завидовать! Строго говоря, незаслуженного счастья не бывает. Когда говорят: «За что ему такое счастье?» – то, скорее всего, есть в человеке что-то, за что ему такое счастье и чего мы пока еще увидеть в нем не можем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.